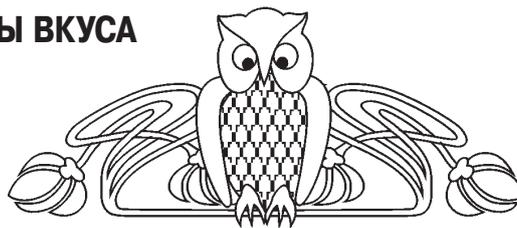

УДК 111.85

ИДЕЯ «ПРЕКРАСНОГО» И ПРОБЛЕМА НОРМЫ ВКУСА В ФИЛОСОФИИ АНТИЧНОСТИ

Темерева Елена Валерьевна – аспирант кафедры философии и социальных коммуникаций, Омский государственный технический университет. E-mail: temri@mail.ru

В статье представлен сравнительный анализ предложенных античными мыслителями решений одного из центральных вопросов эстетики и философии искусства – вопрос об источниках нормы вкуса. В основаниях этой проблемы лежит дилемма: Нечто прекрасно, потому что нравится нам, или, напротив, оно нравится нам, потому что прекрасно? Иными словами: прекрасно творится художником или открывается им в вещах? В античной философии эта дилемма имела разные решения: Платон и Аристотель считали, что «прекрасное» не творится художником, а открывается или пребывает в вещах, следовательно, норма вкуса должна быть единой. Согласно же софистам, «прекрасное» создается, а не пребывает и открывается, и «норма вкуса» может быть различной и множественной. Сравнительный анализ позволяет сделать вывод, что более эвристичными для эстетики и философии искусства являются представления Платона. Идея «Прекрасного», будучи трансцендентной, не зависит ни от мнения людей (в противоположность тому, что утверждали софисты), ни от самих «вещей», подобных произведениям искусства, в которых оно лишь проявляется, но не пребывает (в отличие от того, что утверждал Аристотель). Взгляды Платона на идею «Прекрасного» не только позволяют осуществлять классификацию искусства, в каждом жанре которого единое «Прекрасное» проявляется в той или иной форме, но и устанавливают единую основу для него, поэтому современная эстетика продолжает сохранять интерес к наследию Платона.

Ключевые слова: Прекрасное, норма вкуса, античная эстетика, произведения искусства, Платон, Аристотель, софисты.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-283-287

Современная философия искусства чаще всего определяется как «отрасль философии, которая исследует сущность и смысл искусства на основе науки об искусстве, литературе, музыке, учитывая при этом функции искусства внутри культуры и всей сферы ценностей» [1, с. 188]. Отмечается, что этот раздел философского знания включает две области: «1) объяснение видов искусства и методов художественного изображения и действия; 2) изучение отношений искусства к этике, религии, метафизике и мировоззрению» [1, с. 188]. Казалось бы, проблемы искусства имеют почтенную традицию, хорошо исследованы и изучены. Но несмотря на это, центральные вопросы философии искусства остаются открытыми и остро дискуссионными. Настоящая статья будет посвящена одному из них, сформированному в виде дилеммы: Нечто прекрасно, потому что нравится нам, или оно нравится нам, потому что

прекрасно? Для того, чтобы отклонить возможные возражения вроде тезиса, что лексические конструкции «прекрасное нам нравится» и «нам нравится прекрасное» синонимичны, и очевидным образом показать нетривиальность этого вопроса, переформулируем дилемму следующим образом: прекрасно творится художником или открывается им в вещах? В этой статье мы рассмотрим наследие античных философов, которые отвечали на этот вопрос.

Начнем с наследия Платона как яркого примера часто (явно или не явно) принимаемого нами ответа на сформулированную нами выше дилемму – ответа, который сформулировать: Нечто нравится нам, потому что оно Прекрасно, «художник только открывает это прекрасное в вещах.

Прежде чем перейти к реконструкции ответа Платона, кратко определимся с тезаурусом, в частности приведём определения базовых для рассматриваемой нами дилеммы понятий. В авторитетном российском философском энциклопедическом издании «искусство» определяется как «художественное творчество как особая форма общественного сознания, вид духовного освоения действительности» [2, с. 160]. При этом отмечается, что «в отличие от английского “Art” и немецкого “Kunst” русское слово “искусство” отличается многозначностью смысла и оттенков: это и испытание, и соблазн, и прельщение, и навык или опыт (знание вкупе с умением), и все виды художеств в собственном смысле слова (литература, музыка, живопись, танец и др.)» [2, с. 160]. Понятие же «прекрасное» – «одна из главных категорий классической эстетики <...> выражает одну из наиболее распространенных форм неутилитарных субъект-объектных отношений, связана с эстетическим наслаждением, совершенством, оптимальностью духовно-материального бытия, идеалами, стилем и т.п.» [3, с. 337]. Особо подчеркнем, что «прекрасное» наряду с «благим» и «истинным» – «одно из древнейших понятий культуры, богословия, философской мысли» [3, с. 337].

Возвращаясь теперь к эстетическим идеям Платона, напомним его фундаментальные онтологические и гносеологические положения. Яркой иллюстрацией первых служат рассуждения из

знаменитого «Мифа о пещере», изложенного в диалоге «Государство»: «Люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где всю ее длину тянется широкий просвет» [4, с. 258], причем «обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине» [4, с. 258]. Отсюда возникает вопрос: «разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?» [4, с. 258]. Соответственно, «восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, – это подъем души в область умопостигаемого» [4, с. 261]. В этой «области» (если так можно называть «место», где отсутствуют пространство, время, материя) находятся эйдосы, т.е. идеальные «образцы», «матрицы», в соответствие с каждым из которых из материи формируются определённые классы чувственно воспринимаемых вещей. Как замечает в этой связи современный английский психолог и философ Э. де Боно, если «до Платона философы, как, например, Парменид и Гераклит, вели борьбу <...> с проблемой перемен» [5, с. 81] (первый движение отрицал, а второй не просто признавал, а абсолютизировал), то Платон «соединил оба эти взгляда с помощью теории “внутренних форм”, или “идей”. Идея является абсолютной и неизменной, в то время как внешние проявления (т.е. материальные предметы. – *Е. Т.*) могут меняться» [5, с. 81]. К этой мысли мы ещё вернемся, а пока отметим, что главный среди эйдосов, являющийся в отношении остальных целью (телосом), – благо: «в том, что познаваемо, идея блага – это предел» [4, с. 261]. Для нашего исследования особенно важны следующие слова, вкладываемые Платоном в уста своего учителя, «именно она – причина всего правильного и прекрасного» (курсив мой – *Е. Т.*) [4, с. 261].

Что же касается сути гносеологических идей Платона, то она иллюстрируется высказыванием из «Федона»: «Известно, что испытывают влюбленные, когда увидят лиру, или плащ, или иное что из вещей своего любимца: они узнают лиру и тут же в уме у них возникает образ юноши, которому эта лира принадлежит. Это и есть припоминание» [6, с. 27]. Но это свойственно, согласно Платону (вкладывающему эти идеи в уста Сократу), любому знанию, которое всегда «своего рода припоминание» [6, с. 27]. Иначе говоря, «те, о ком мы говорим, что они познают, на самом деле только припоминают, и учиться в этом случае означало бы припоминать» [6, с. 30].

Конкретизируем теперь, с учётом вышерассмотренного, эстетические рассуждения Платона применительно к такому важному понятию эстетики, как «гармония». «Платоновский» Сократ

в диалоге «Горгий» утверждал: «Мудрецы учат <...> что небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержанность и высшая справедливость; по этой причине они и зовут нашу Вселенную “космосом”, а не “беспорядком” <...> и не “бесчинством”» [7, с. 552]. В диалоге «Тимей» Аристокл ставит вопрос о том, как именно «родилось тело космоса, упорядоченное благодаря пропорции, и благодаря этому в нем возникла дружба» (т.е. гармония) [8, с. 435], и даёт на него следующий ответ: это «тело» сотворил Демиург, «чтобы космос был целостным и совершеннейшим живым существом с совершенными же частями <...> чтобы космос оставался единственным и чтобы не было никаких остатков, из которых мог бы родиться другой, подобный, и, наконец, чтобы он был недряхлеющим» [8, с. 435–436]. Иначе говоря, «тело [космоса] было сотворено гладким, повсюду равномерным, целостным, совершенным и составленным из совершенных тел» [8, с. 437].

Сказанное выше позволяет нам согласиться с оценкой В. В. Бычкова и О. В. Бычковой, отдельно рассматривавших эстетические идеи в диалогах «Пир» и «Федр». В первом из них Платон «приходит к пониманию идеи красоты, прекрасного самого по себе <...> (красота – объективно существующая вне какого-либо субъекта идея)» [3, с. 337]. Во втором – «прекрасное видимого мира выступает в качестве своего рода маяка, напоминающего душе о существовании мира идей, о котором та хранит смутную память, и указывающего истинный путь духовного совершенствования» [3, с. 337].

Сделаем предварительный вывод: согласно Платону, «Прекрасное» «независимо» от человека. Оно существует несмотря на какие-либо субъективные отношения к нему тех или иных людей, их точек зрения, личностных предпочтений и т.п. Разумеется, для того, чтобы «Прекрасное» «по-настоящему» человеку, вызвало у него положительные эстетические переживания, необходим определённый художественный вкус. Следовательно, Нечто нравится нам, потому что прекрасно, а не наоборот. Соответственно, «Прекрасное» не творится в широком смысле этого слова художником, а лишь открывается им в вещах.

Иной позиции по поводу придерживался Аристотель, характеризуя искусство в качестве разновидности человеческой деятельности. Благодаря значимости этого высказывания приведем два варианта его перевода А. В. Кубицкого и М. И. Иткина – последний сверил перевод А. В. Кубицкого с греческим оригиналом, используя работы английских и немецких переводчиков «Метафизики», появившиеся уже после перевода

А. В. Кубицкого. Рассматривая специфику возникновения того, «что возникает от природы» или «благодаря природе», Стагирит пишет: «а остальные виды возникновения именуется созданиями» [9, с. 198], в частности, «через искусство возникает то, форма чего находится в душе (формой я называю суть бытия каждой вещи и её первую сущность)» [9, с. 198].

Во втором переводе: «что возникает действием природы» [10, с. 121], и остальные процессы «возникновения (которые. – Е. Т.) именуется актами создания» [10, с. 121]. Соответственно, «через искусство возникают те вещи, форма которых находится в душе» [10, с. 121]. Проанализировав эти взаимодополняющие варианты, согласимся с видным польским философом В. Татаркевичем. В «Античной эстетике» он указывает, что «понятие искусства, установленное Аристотелем, сохранилось на многие века, став классическим» [11, с. 131]. Суть классического подхода к искусству в том, что оно «есть человеческая деятельность, этим <...> отличается от природы» [11, с. 131]. Поэтому «его (так понимаемого искусства. – Е. Т.) творения “могут быть, либо не быть”, тогда как творения природы возникают по необходимости» [11, с. 131]. При этом важно учитывать следующее уточнение В. Татаркевича: «Аристотель понимал искусство как психофизический процесс, противопоставляя его природе отнюдь не в том смысле, что оно – продукт души, тогда как природа – продукт материи» [11, с. 133]. Ведь «искусство зарождается в разуме художника, но направлено на материальный продукт» [11, с. 133]. При этом в произведениях искусства «важны не отдельные предметы, которым подражает художник, но то новое целое, которое он из них создает» [11, с. 137].

И, наконец, приведём самую главную для нашей статьи мысль польского философа: то определение «прекрасного», которое в неявном виде присутствует в аристотелевской «Риторике», он лаконично излагает: «прекрасное есть то, что являясь ценным само по себе, вместе с тем приятно для нас» [11, с. 150], поясняя их следующим образом: «Прекрасное» есть то, что, с одной стороны, «ценится само по себе, а не ради приносимой им пользы или его результатов» [11, с. 150]. С другой же стороны, это, «что, доставляя удовольствие, само ценностью не обладает, будучи, однако, ценным для нас» [11, с. 150]. Также В. Татаркевич выделяет два свойства прекрасного – «порядок и величину» [11, с. 151], Аристотель выражает присущий всей античной философии «космоцентризм». «Космос» противопоставлялся «Хаосу» в качестве гармоничной, упорядоченной, целостной и поэтому прекрасной реальности, лаконичным выражением чего являются слова

С. Н. Трубецкого: для «всей греческой философии, которой мир являлся божественным телом, стройным и прекрасным космосом» [12, с. 137].

Подытожим этот смысловой блок следующим ёмким изложением сути эстетической позиции Аристотеля, сформулированным польским философом: «Всякая красота есть благо, но не всякое благо прекрасно; всякая красота есть удовольствие, но не всякое удовольствие прекрасно. Прекрасное есть то, что одновременно благое и приятное» [11, с. 151]. В рассмотренных цитатах для нас особенно важны утверждения «всякая красота есть удовольствие», «искусство доставляет удовольствие»: они позволяют нам заключить, что для Стагирита Нечто является прекрасным, потому что нравится нам. Чтобы наша оценка Аристотеля была «симметричной» приведённой выше нашей оценке Платона, добавим: согласно Стагириту, «Прекрасное» не творится в широком смысле этого слова художником, а лишь открывается им в «вещах»! Это вполне коррелирует со словами В. Татаркевича о том, что «ценность произведений искусства <...> заключается в них самих» [11, с. 154].

Иной ответ на сформулированную нами дилемму принадлежит софистам, которые утверждали относительность прекрасного, что согласовывалось с их релятивизмом в области гносеологии и этики, базировавшихся на высказывании Протагора: «человек мера всех вещей». В. Татаркевич обращает внимание, что именно у софистов появилось ориентированное на фигуру субъекта определение прекрасного: «Прекрасное есть то, что приятно для зора и слуха» [11, с. 86]. Рассматривая этот тезис в контексте их учения в целом, нельзя не согласиться с польским философом в том, что «если софисты считали относительными и условными право, политический строй, религию, то вполне понятно, что таковыми они должны были считать и искусство» [11, с. 87].

Как утверждают российские ученые, «Софисты – разрушители традиционных представлений <...> Нет истины, единой для всех. Что кому кажется истинным, таково оно и есть на самом деле. Софисты отмечают условность представлений о добре и зле, о прекрасном и безобразном, о достойном и недостойном. То, что у одного народа считается прекрасным и достойным, у другого порицается как безобразное и недостойное» [13, с. 108]. В первую очередь рассмотрим известный принцип виднейшего представителя и одного из его родоначальников Протагора в изложении Платона (в «Теэтете»): «Мера всех вещей – человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют» [14, с. 203]. Чтобы понять суть этого тезиса, обратимся

к уточнению Дж. Реале и Д. Антисери: «Под мерой Протагор понимал некую “норму суждения”, в то время как под вещами – факты и опыт в целом. Эта знаменитая аксиома стала со временем чем-то вроде “magnacharta”, великой хартии западного релятивизма» [15, с. 84], т.е. «Протагор подверг отрицанию абсолютный критерий, отличавший бытие от небытия, истину от лжи» [15, с. 84]. И, добавим, прекрасное от безобразного! Переход к области эстетического делают эти авторы, утверждая, что «Принцип человека-меры углубляется (Протагором. – Е. Т.) в сочинении “Антологии”, где показано, что “вокруг любой вещи есть два аргумента, противоречащих один другому”, что можно приводить доказательства и последовательно их аннулировать» [15, с. 84]. Можно согласиться с М. Хайдеггером в том, что указанный «тезис Протагора недвусмысленно говорит о том, что “все” сущее отнесено к человеку как “эго” (Я) и что человек есть мера для бытия сущего» [16, с. 263]. Естественно, что в рамках такого подхода «человек как “эго” (Я)» будет критерием того, что же считать искусством. Как замечает в этой связи В. Татаркевич, «На основании наблюдений над разнообразием и многообразием прекрасного кто-то, вероятно, Протагор – сделал вывод, что прекрасное относительно» [11, с. 89]. Соответственно, все представители рассматриваемого течения «шли в направлении сужения традиционного понятия прекрасного, выделения эстетической красоты, ибо к моральной красоте их определение не прилагалось» [11, с. 86–87].

Несмотря на это, нельзя не отметить важный вклад, сделанный софистами в развитие эстетики. В. Татаркевич отмечает, во-первых, «софисты использовали <...> важное противопоставление: удовольствие и польза. И применяли его к искусству. Софист Алкидам говорил, что статуи нас радуют, но пользы не приносят» [11, с. 86], во-вторых, «Не каждое творение человеческих рук является искусством, но только преднамеренное, неслучайное, создаваемое сознательно и согласно общим принципам» [11, с. 86].

Можно сделать вывод, переформулируя мысль, которой мы подытожили рассмотрение идей Аристотеля: Нечто является прекрасным, потому что нравится мне (а не «нам»). Следовательно, «Прекрасное» творится художником, а не открывается им в вещах.

Оценивая две позиции, софистов и Платона и Аристотеля, отметим, что у первых «прекрасное» творится, а не открывается им в вещах, т.е. «норма

вкуса» будет всегда разная и множественная. У Платона и Аристотеля оно не творится художником, а открывается им в «вещах», поэтому и «норма вкуса» будет единой.

Проанализировав основные концепции античной эстетики, разработанные Платоном, Аристотелем и софистами, сделаем итоговый вывод. Наиболее эвристичными для развития эстетики нам представляются рассуждения Платона об идее «Прекрасного», которое не зависит ни от мнения людей (в отличие от позиции софистов), ни от «вещей», т.е. произведений искусства, в которых оно лишь проявляется, но не находится (в отличие от позиции Аристотеля). Ведь именно концепция Платона позволяет классифицировать искусство, в каждом жанре которого единое «Прекрасное» проявляется в той или иной форме, и, следовательно, продолжить поиск ответа на вопрос, что же есть «Прекрасное».

Список литературы

1. Искусства философия // Филос. энцикл. слов. М., 1999. С. 188.
2. Толстых В. И. Искусство // Нов. филос. энцикл. : в 4 т. М., 2001. Т. 2. С. 160–162
3. Бычков В. В., Бычкова О. В. Прекрасное // Нов. филос. энцикл. : в 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 337–342.
4. Платон. Государство // Платон. Избранное. М., 2004. С. 39–384.
5. Боно Э. де. Параллельное мышление. От сократовского мышления к дебоновскому. Минск, 2007. 320 с.
6. Платон. Федон // Собр. соч. : в 4 т. М., 1990. Т. 2. С. 7–80.
7. Платон. Горгий // Собр. соч. : в 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 477–574.
8. Платон. Тимей // Собр. соч. : в 4 т. М., 1990. Т. 3. С. 421–500.
9. Аристотель. Метафизика // Соч. : в 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 63–367.
10. Аристотель. Метафизика. М. ; Л., 1934. 348 с.
11. Татаркевич В. Античная эстетика. М, 1977. 327 с.
12. Трубецкой С. Н. Метафизика в Древней Греции. М., 2010. 589 с.
13. Голубинцев В. О., Данцев А. А., Любченко В. С. Философия науки. Ростов н/Д, 2007. 541 с.
14. Платон. Тезет // Собр. соч. : в 4 т. М., 1990. Т. 2. С. 192–274.
15. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье : в 4 кн. / пер. и ред. С. А. Мальцевой. СПб., 2003. 688 с.
16. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии : переводы / общ. ред. Ю. Н. Попова. М., 1988. С. 261–313.

Образец для цитирования:

Темерева Е. В. Идея «Прекрасного» и проблема нормы вкуса в философии Античности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 283–287. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-283-287.

The Idea of «Beauty» and the Norm of Taste Problem in Ancient Philosophy

E. V. Temereva

Omsk State Technical University
11, Mira ave., Omsk, 644050, Russia
E-mail: temri@mail.ru

The article presents a comparative analysis of the solutions proposed by ancient thinkers for one of the central issues of aesthetics and the philosophy of art relating to the norm of taste. In the grounds of the norm of taste problem lies the dilemma: is a certain something beautiful because we like it, or do we like it, on the contrary, because it is perfectly? In other words, «do artist create the Beauty or appear it within things?». This dilemma had different solutions in ancient philosophy. According to Plato and Aristotle the «Beauty» is not created by the artist, but appeared or exists within the «things», therefore the «norm of taste» must be unified. In contrast, Sophists claim the «Beauty» as created only, but not appeared, therefore, the «norm of taste» may be different and multiple. It leads to the conclusion that more heuristic in terms of aesthetics and the philosophy of art are Plato's arguments about the idea of the «Beauty», and means the idea does not depend on our views (in contrast to Sophists' position), nor the «things» like art objects, the «Beauty» appears within these objects only but does not exist within (in contrast to Aristotle's position). Plato's views on the idea of the «Beauty» allow to not only classify the Art because unified the «Beauty» appears in one form or another for every genre, but establish unified foundation for the Art. Therefore, contemporary aesthetics continues to maintain an interest in the legacy of Plato.

Key words: Beauty, norm of taste, ancient aesthetics, art objects, Plato, Aristotle, Sophists.

References

1. Iskusstva filosofiya [The Philosophy of Art]. *Filosofskiy ehnciklopedicheskiy slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1999. 188 p. (in Russian).
2. Tolstyh V. I. Iskusstvo [The Art]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya*: v 4 t. [New Encyclopedia of Philosophy: in 4 vol.]. Moscow, 2001, vol. 2, pp. 160–162. (in Russian).
3. Bychkov V. V., Bychkova O. V. Prekrasnoe [The Beauty]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya*: v 4 t. [New Encyclopedia of Philosophy: in 4 vol.]. Moscow, 2001, vol. 3, pp. 337–342 (in Russian).
4. Plato. Republic. *Complete Works*. Cambridge, 1997, pp. 971–1224. (Russ. ed.: Platon. Gosudarstvo. *Izbrannoe*. Moscow, 2004, pp. 39–384).
5. Bono E. de. *Parallel thinking (from socratic to de bono thinking)*. London, 1995. 228 p. (Russ. ed.: Bono E. de. *Parallelnoe myshlenie. Ot sokratovskogo myshleniya k debonovskomu*. Minsk, 2007. 320 p.).
6. Plato. Phaedo. *Complete Works*. Cambridge, 1997, pp. 49–100. (Russ. ed.: Platon. Fedon. *Sobr. soch.*: v 4 t. Moscow, 1990, vol. 2, pp. 7–80).
7. Plato. Gorgias. *Complete Works*. Cambridge, 1997, pp. 791–869. (Russ. ed.: Platon. Gorgij. *Sobr. soch.*: v 4 t. Moscow, 1990, vol. 1, pp. 477–574).
8. Plato. Timaeus. *Complete Works*. Cambridge, 1997, pp. 1224–1291. (Russ. ed.: Platon. Timey. *Sobr. soch.*: v 4 t. Moscow, 1990, vol. 3, pp. 421–500).
9. Aristotle. *Metaphysics*. London, 1998. 460 p. (Russ. ed.: Aristotel. *Metafizika. Soch.*: v 4 t. Moscow, 1976, vol. 1, pp. 63–367).
10. Aristotle. *Metaphysics*. London, 1998. 460 p. (Russ. ed.: Aristotel. *Metafizika*. Moscow, Leningrad, 1934, 348 p.).
11. Tatarkiewich W. *History of Aesthetics*: in 3 vol. Vol. 1: Ancient Aesthetics. Berlin, 1970. 358 p. (Russ. ed.: Tartarkevich V. *Antichnaya estetika*. Moscow, 1977. 327 p.).
12. Trubetskoy S. N. *Metafizika v Drevney Gretsii* (Metaphysics in Ancient Greece). Moscow, 2010. 589 p. (in Russian).
13. Golubincev V. O., Dancev A. A., Lyubchenko B. S. *Filosofiya nauki* (The Philosophy of Science). Rostov-on-Don, 2007. 541 p. (in Russian).
14. Plato. Theaetetus. *Complete Works*. Cambridge, 1997, pp. 157–234. (Russ. ed.: Platon. Teetet. *Sobr. soch.*: v 4 t. Moscow, 1990, vol. 2, pp. 192–274.).
15. Antiseri D., Reale G. *Il Pensiero Occidentale Dalle origini ad oggi*: in 4 vol. Vol. 1: Antichità e Medioevo. Brescia, 1983. 701 p. (Russ. ed.: Antiseri D., Reale G. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dney. Antichnost i Srednevekove*. St. Petersburg, 2003. 688 p.).
16. Heidegger M. *Nietzsche. Der Europäische Nihilismus*. Gesamtausgabe: in 102 Bd. Frankfurt a/M, 1997, Bd. 2. S. 23–230. (Russ. ed.: Heidegger M. *Evropeyskiy nihilizm. Problema cheloveka v zapadnoy filosofii*: perevody; pod obsch. red. Yu. N. Popova. Moscow, 1988, pp. 261–313).

Cite this article as:

Temereva E. V. The Idea of «Beauty» and the Norm of Taste Problem in Ancient Philosophy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 283–287. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-283-287.